

доброту, проте численні випробування не змінюють його вдачі, а всі неймовірні (навіть неможливі в реальному житті) пригоди завершуються хеппі ендом.

Характеризуючи ідіостиль письменника в аспекті інтермедіальності, О. Воскресенська підкреслює двоплановість звернення митця до інших семіотичних систем: “З одного боку, – за словами дослідниці, – він вербалізує твори з цих систем, а з іншого, використовує їх основні прийоми, техніку...” [3, 15]. Окрім сюжетно-образних ремінісценцій, описаних вище, аналізований твір, як і романи 1930-х років, містить також інші жанрові ознаки кінофарсу. Зокрема, автор активно використовує принцип квіпрокво, текст рясніє слепстік-сценами, уміло моделюються геги. І якщо перші два прийоми мають літературно-театральну ґенезу, то останній – винахід “німої ери” кіно.

Кінематографічне походження мають і розтиражовані американськими фільмами стереотипні персонажі (шпигун, повія, поліцейський, божевільний учений, маніяк), а також “декорації” в голлівудському стилі, що з’являються переважно в заключних частинах роману. Івлін Во – вправний стиліст, тому такі описи, незважаючи на свій лаконізм, актуалізують конкретні зорові образи і розширюють текстуальний простір твору, для якого в цілому характерна відсутність розлогих описів і авторських коментарів. Натомість фіксуємо стрімкий розвиток подій, фрагментарність хронотопу, монтажне поєднання епізодів. Усе це дозволяє говорити про виразну кінематографічність аналізованого твору.

Література

1. Беленький И. Лекции по всеобщей истории кино: годы беззвучия : учебное пособие / Игорь Беленький, [отв. редактор В.А. Луков]. – М. : Гуманитарный институт телевидения и радиовещания им. М.А. Литовчина (ГИТР), 2008. – 416 с.
2. Во И. Чувствую себя глубоко подавленным и несчастным. Из дневников 1911–1965 / Ивлин Во; перевод А. Ливерганта. – М. : Текст, 2013. – 400 с. – (Коллекция).
3. Воскресенская Е.Г. Интертекстуальные включения в произведениях И. Во : автореф. дисс... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 – германские языки // Воскресенская Елена Геннадьевна. – Барнаул, 2004. – 18 с.
4. Мельников Н. Ивлин Во, священное чудовище английской литературы // О Набокове и прочем : статьи, рецензии, публикации / Николай Мельников. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 424 с. – (Научная библиотека).
5. Сазонова Т.П. Парадоксы “комического” у Во в социокультурном контексте эпохи : [Электронный ресурс] / Т.П. Сазонова. – Режим доступа: www.litsoul.ru/solits-334-1.html.

Алатея М. М.,

аспірант,

Чорноморський національний університет
імені Петра Могили, м. Миколаїв

ТИПОЛОГИЯ КОМИЧЕСКОГО В SHORT STORIES ГРЭМА ГРИНА

Ранее мы уже отмечали, что английский писатель Грэм Грин, известный как один из выдающихся романистов XX в., значительно менее известен как прекрасный мастер малой прозы - short stories (понятие, обозначающее как жанр рассказа, так и жанр новеллы), которая включает в себя пятьдесят четыре произведения [см.: 1, 46; 2, 84, 86].

Значительную часть малой прозы Грина составляет группа сатирико-юмористических рассказов и новелл. В одной из предыдущих своих публикаций [1, 47] мы относили к этой группе примерно 10 новелл. Если же иметь в виду не только новеллы, но и рассказы, созданные в сатирико-юмористическом модусе, то общее их число достигает 15 произведений. При этом

девять из них написаны от первого лица, а шесть - от третьего лица ("нулевая фокализация", согласно Ж. Женетту).

Short stories от первого лица в хронологической последовательности таковы: "Бедняга Мэлинг" ("Alas, Poor Maling", 1940), «Человек, который украл Эйфелеву башню» (The Man Who Stole Eiffel Tower), "Эти невидимые японцы" ("The Invisible Japanese Gentlemen", 1965), «Корень зла» ("The Root of All Evil", 1967), "Вы можете одолжить нам вашего мужа?" ("May we borrow your husband?", 1967), "Печаль в трех частях" ("Chagrin in three parts", 1967), "Ужасно, когда об этом подумаешь" ("Awful when you think of it", 1967), "Доктор Кромби" ("Doctor Crombie", 1967), "Подразделение секретной службы" ("A branch of the Service", 1990). Из этой группы только три произведения по структуре построения сюжета можно отнести к жанру рассказа ("Доктор Кромби", "Ужасно, когда об этом подумаешь", "Подразделение секретной службы"), остальные шесть в структурно-смысловом отношении тяготеют к новеллистическому жанру.

К произведениям с нулевой фокализацией относятся следующие новеллы и рассказы: "Люди за работой" ("Man at Work", 1940), "Нашла коса на камень" ("When Greek meets Greek", 1941), "Воинствующая церковь" ("Church militant", 1953), "Особые служебные поручения" ("Special Duties", 1954), "Шокирующий случай" ("A shocking accident", 1967), "Саквояж" ("The over-night bag", 1967). Здесь жанровым признакам рассказа отвечают два произведения ("Люди за работой" и "Воинствующая церковь"), а четыре являются новеллами.

Таким образом, в группе сатирико-юмористических произведений малой прозы Грина мы имеем десять новелл и пять рассказов. Характерной особенностью этих произведений, независимо от их жанровой принадлежности, является наличие ряда элементов, придающих им определенную типологическую общность и позволяющих отнести их к категории сатирико-юмористических.

Во-первых, это наличие фабулы, в основе которой лежит какой-нибудь **смешной или забавный** случай ("Бедняга Мэлинг", «Корень зла», "Подразделение секретной службы", "Нашла коса на камень", "Ужасно, когда об этом подумаешь", "Особые служебные поручения", "Печаль в трех частях", "Шокирующий случай"); **недоразумение** ("Доктор Кромби", "Вы можете одолжить нам вашего мужа?"); **фантастическое допущение** ("Человек, который украл Эйфелеву башню"), или **комически обыгранная загадочность** ("Саквояж"); или же **эксплицитная насмешливо-сатирическая интерпретация** определенных явлений ("Люди за работой", "Эти невидимые японцы", "Воинствующая церковь").

Так, одним из убедительных примеров забавной истории с комическим эффектом может служить новелла "Шокирующий случай", исходным моментом которой является, как это ни парадоксально, смерть отца героя повествования Джерома, о которой он узнает в девятилетнем возрасте. Джером обожает своего отца, малоизвестного писателя, любителя-путешественника, описывавшего посещенные им города, самая известная книга которого называлась "Уголки и закоулки". Ребенок же, как замечает автор, "подобно тому, как человек пересотворил Бога, пересотворил своего отца" [3, 400]. Он считает его таинственным авантюристом, путешествующим по далеким странам, занимающимся контрабандой оружия и являющимся агентом британских секретных служб. Поэтому когда классный надзиратель сообщает мальчику о том, что с его отцом произошел серьезный несчастный случай, первой мыслью, которая приходит ему в голову, была мысль о том, что его отец ранен "пулеметной очередью". Когда же надзиратель добавляет, что несчастный случай произошел в общественном месте Неаполя, воображение Джерома тут же рисует стычку отца с полицейскими, которые, естественно, стреляли первыми, и он предполагает, что пуля попала прямо в сердце отца. Узнав же, от еле сдержавшего смех надзирателя, что причиной смерти отца была свинья, упавшая ему на голову с пятого этажа, когда он прогуливался по улицам бедного квартала Неаполя, потрясенный Джером, не уловив комизма ситуации, поинтересовался лишь, что же стало со свиньей. Осознание им этого факта лишь в юношеском возрасте и страстное желание оградить светлую память об отце от насмешек порождает комическое напряжение, связанное с общением с

окружающими и с выбором невесты, которое благополучно разрешается в финале. Другие примеры смотри [1, 47-49; 2, 90-93].

Подобные коллизии столь же присущи и рассказам этой группы, примером чему может служить рассказ “Подразделение секретной службы”. В основу его сюжета положена одна из сомнительных затей английской секретной службы: создание спецподразделения “Международный гид хороших ресторанов”, агенты которого в качестве инспекторов, присуждающих звезды, должны были заполнить “важную брешь в безопасности” [3, 525], то есть организовать подслушивание и наблюдение за подозрительными лицами в захудалых ресторанах. Во-вторых, это в большинстве случаев выразительные, комически акцентированные названия новелл и рассказов. В-третьих, неспешное разворачивание событий с обстоятельным описанием места, времени и персонажей, что вносит определенные модификации в классическую структуру новеллы. В-четвертых, тяготение к раскрытию при помощи механизмов комического парадоксальности социальных условий жизни и человеческих поступков.

В целом же, это оригинальная группа комически интонированных новелл и рассказов Г. Грина нуждается в более обстоятельном и развернутом осмыслении в аспекте форм и приемов комического, а также их смыслового и эстетического содержания.

Література

1. Алатея М.М. Жанровая специфика и поэтика новеллы “Корень зла” Грэма Грина / М.М. Алатея // Таврійські філологічні наукові читання : Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції, м. Київ, 27-28 січня 2017 р. – Київ : Тавр. нац. ун-т імені В.І. Вернадського, 2017. – С. 46–50.
2. Михилев А.Д., Алатея М.М. Short Stories Грэма Грина: к постановке проблемы / А.Д. Михилев, М.М. Алатея// Літератури світу : поетика, ментальність і духовність. Зб. наук. праць. – Вип. 8. – Кривий Ріг : Криворіз. держ. пед. ун-т, 2017. – С. 84–95.
3. Greene G. L’homme qui vola la Tour Eiffel // Greene G. Nouvelles completes 2 / Graham Greene. – P. : Robert Laffont, 2013. – 544 p.
4. Greene G. Collected Short Stories/ Graham Greene & - L.: Penquin Books, 1986. - 387 p.

Атрошенко Г.І.,

кандидат філологічних наук,

Мелітопольський державний педагогічний університет

імені Богдана Хмельницького

“ВЕДМЕЖА МОВА ВИКЛАДАННЯ”:

“СМІШНА КНИГА” В. НЕСТАЙКА ТА В. ХАРЧЕНКА ДЛЯ ДІТЕЙ

Своєрідна металогічна компіляція Луки Гайдуковича “Гумор врятує світ” [2, 70] давно вже стала звично-принагідною у дитячій літературі сучасності. Адже, загальновідомо, що для дітей треба писати так, як і для дорослих, тільки незрівнянно краще. Поважному ставленню до літератури для дітей аж ніяк не супротивний гумор, навпаки, ми добре знаємо, що без нього буває, чи, навпаки, не буває. А, може, якщо до краси (отієї, що врятує світ!), додати трішечки гумору, то вони, й насправді, врятують його?

Металогічний вираз згадується, коли чуєш від дітей, які з увагою (гострою!), що в наш такий “затехнізований” час є швидше незвичним і дивовижним явищем, прочитали-переглянули кольорову книжку, їм призначену, Всеволода Нестайка “Дивовижні пригоди в лісовій школі”, цілком серйозні слова: “Смішна книга!”. Невеличке “розслідування” виявило, що діти-читачі, ніби жартуючи і граючись, зробили дуже “смішне” відкриття: книга читається захопливо, набагато цікавіше й приголомшує, збуджує, викликає відчуття комічності у такій цілості: “легка,